

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ФЕВРАЛЬ 2015 г. • № 2 (220)
ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

ГОД ЧЬЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ?

По-моему, 28 января 2015 года во МХТе имени Чехова под предводительством президента Путина произошло сразу же и открытие Года литературы, и его закрытие. Это стало ясно практически всем, независимо от возраста и направления того или иного литератора.

Захар Прилепин, сам присутствующий на этом обряде открытия-закрытия, чётко всё и описал. Даже ему стало смешно:

"Это же год нашей общей литературы, что уж вы. Огромной русской литературы, не только западной, но и консервативной. Не только антисоветской, но и "левой". Не только русской – но и имперской, разноязычной... Перед нами наглядно, несколько даже вызывающе обобщились без классиков иных, входивших в империю народов: Искандер, Рымху, Айтматов... В советские времена за такие косяки мозги бы вынесли.

Заодно, сложно было не заметить, ярко и наглядно обобщились и без консервативной русской классики: без Валентина Распутина, Василия Белова, Юрия Бондарева, Василия Шукшина. Без Павла Васильева, Юрия Кузнецова, Николая Рубцова...

Ребята, это не красиво, да. Почему Кирсанов и Левитанский, а не Борис Корнилов или Владимир Луговской? Да не почему. Как-то так совпало. Совпало, совпало и опять совпало..."

Позже об этом ехидно написал и неуважительно Владимир Бушин. Впрочем, и либералы также этот "праздник" обсмеяли. Они-то в свою очередь думали, что это был какой-то прохановско-прилепинский праздник. И тоже не угадали.

И на самом деле, год какой литературы решил отметить Владимир Путин? Начиналось на вечер в театре всё традиционно, отметили весь наш ареопаг: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов. Блок... И вот дошли до двадцатого века, до Октября 17 года. Неужели литература закончилась? Обошли на открытии Года литературы и Горького, и Маяковского, и Есенина, и Шолохова, никого из великих советских классиков не упомянули. Куда они подевались?

Но забыли и про русских национальных гениев: ни Бунина, ни Платонова, ни Мережковского, ни Набокова, ни Клюева...

То ли двоечники и второгодники руководят нынче русской культурой, то ли злые ненавистники. Не подвести этот вечер ни под какую национальную планку. Не было среди отмеченных таких знаковых величин, как Исаак Бабель, Мустай Карим, Чингиз Айтматов, Грант Матевосян. Что же это за Год литературы?

На вечер "забыли" пригласить и Союз писателей России, и ведущие литературные издания: газеты "Литературная Россия", "Завтра", "День литературы", да и "Литературная газета" сама напросилась в самый последний момент. Самое отвратительное, что это было не идеологическое противостояние разных направлений в литературе, а абсолютно безграмотное чиновничье исполнение галочек в программе. Думаю, что к проведению открытия Года литературы даже не подпустили того же советника президента по культуре Владимира Толстого, или Павла Басинского, уж они-то не забыли бы ни про Горького, ни про Шолохова.

Вероятно, руководила Годом литературы, как всегда, всё та же годами не сменяемая команда ненавидящих русскую культуру управляющих: Медвинский, Григорьев, Сеславинский, Швыдкой; доколе они будут руководить нашей идеологией? Винить конкретного режиссёра открытии Марину Брускину даже нежого. Видно, что это человек в литературе не разбирающийся, но на её место

нашли бы другого, третьего, с тем же эффектом.

Смешно, Семён Кирсанов в программе вечера есть, а Владимира Маяковского – нет. Весь Кирсанов уместился бы на ладошке великого Маяка. Представляю, как бы на это обиделся сам неистовый поклонник Маяковского Кирсанов. Представляю, как бы отреагировал на подобное представление русской литературы Иосиф Бродский: клюевской "Погорельщины" нет, Заболоцкого и Горьковского нет, а какие-то третьестепенные литераторы заполнили весь двадцатый век – Левитанский, Пригов, Кенжеев. Такая явная игра на занижение. Никакого величия замысла.

Забыли и про поэзию Великой Отечественной войны: ни Исаковского, ни Гогана с Кульчицким, ни Сергея Орлова, ни Наровчатова и Юлии Друниной. Хорошо хоть про Константина Симонова вспомнили, за всё своё фронтовое поколение стал ответчиком. А что уж там говорить про разных Василиев Быковых или Юрия Бондаревых, нет их в русской литературе, и всё тут.

Лучше бы все деньги за проведение этого вечера и других подобных помпезных и пустых мероприятий отдали библиотекам на подписку умирающих от безденежья толстых литературных журналов. Больше пользы было бы. Да и выступление президента было явно не к месту. Обсуждать проблему мата в литературе, – тем более уходя от оценок этой самой проблемы, – мол, решайте, товарищи писатели, сами, – ему было ни к чему. Лучше бы вообще не касался литературы, дабы не демонстрировать своё полное незнание данного предмета. Думаю, ему-то было всё равно, кого называют из писателей: Кирсанова или Слуцкого, Левитанского или Саймонова, всё равно же никого из них не читал. Назови вместо этих имён Юрия Кузнецова и Николая Тряпкина, Бориса Корнилова и Павла Васильева, для президента и его свиты это было бы совершенно безразлично. Из-за чего переживания? Что за страсти? Да и вообще, какая разница, год чьей литературы, какой литературы мы отмечаем?

Это пусть Владимир Бушин переживает: *"Можно было ожидать, что в год 70-летия нашей Победы в столь многозначительном "стартовом" концерте, в президентском зачёте Года литературы, достойно будет представлена поэзия Великой Отечественной войны, о которой так хорошо сказал когда-то Сергей Наровчатов: "Война не породила у нас гениального поэта, но породила гениальную военную поэзию". Увы, прозвучало только одно стихотворение Константина Симонова "Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины". Его прочитал Олег Табаков, по-моему, совершенно не понимая, что он читает. А где стихи хотя бы тех же Берггольц и Друниной? Допустим, эти строки:*

*Мы предчувствовали полыханье
Этого трагического дня.
Он пришёл. Вот жизнь моя, дышанье...
Родина! Возьми их у меня...*

Этих славных имён, этих великих строк не было даже в бегущей строке..."

Вот это безразличие чиновников к якобы поддерживаемой ими литературе и сводит на нет всё значение Года литературы. Для самой литературы было бы гораздо интереснее, если бы Год литературы проводили или советские коммунистические идеологи, или антисоветские монархические, или крайние авангардисты, или правые консерваторы, каждый из них защищали бы свою литературу, поднимал бы на щит своих классиков. А в результате такого безразличия и в зале, и в прессе, и среди самих писателей росло понимание, что русской литературе надеяться не на кого. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Будем же сами и спасаться, и спасать Великую Русскую Литературу!

дится Россия. Черты её, для нас, здесь, в России, неразличимы.

"Поскреби русского, найдёшь Бога...", – говорит серб в искренней вере. Каково, а? Мы-то о себе привыкли думать, что ниже нас нет, и левифан скрутил, и эти нам всё твердят, покаяйтесь, покаяйтесь Ну-ка, ну-ка, как ещё мы в Сербии отражаемся?!

Автор, молодая женщина, не скрывает почти па-

нитического состояния, оказавшись в центре Европы среди очевидной бедности, где допотопный автомобиль советского производства может быть предметом гордости. Но – люди! С их общинностью, жизнью миром: "У нас традиция такая – моба. Друг другу помогаем. Если человеку надо собрать урожай, сделать ремонт, что-то построить – приходит люди и делают. Мы – сербство. Такого понятия нет ни у одного из народов. Разве только у евреев – еврейство", – рассказывает серб Драган. Нет, брат, есть: для Марии Ряховской, выросшей в Москве и рождённой ближе к концу 20 столетия, это в диво. А я, сибиряк, появившийся на белый свет пораньше, хорошо помню "помочи": так же собирались люди – родня, соседи, помогали. Так нам с мамой дом поставили: по 30-50 человек сходились в выходные, строили миром, дружно. Расплата – да и не расплата даже, а так, продолжение мирского куража – застолье, бражка вечером. Вода, сапогон – как ныне Сибирь в кино показыва- ют, где это зелье льётся рекой, – было дорогим удовольствием. Логуси с забитой пробкой, отбродило – лёгкое пиво, для пляски, песен. Без песен и плясок застолье не вошло! Для меня сербский мир – узнаваем. Для московской девушки знакомство с ним – всё более осязаемое и осознаваемое возвращение на свою духовную прародину, коей некогда была Русь и черты которой несёт в себе современная Сербия. Выявляется это в обыденной жизни: "Курица поразила меня не только тем, что была приготовлена для меня чужими людьми, которых я даже не знала. Она ошеломила меня вкусом, о котором я раньше могла читать только у Гоголя. Вкус забытых человеческих отношений, вкус забытой еды...". Русского, действительно, надо "поскрестить", а серба, выходит, и скрести не надо.

Повествование нотой постоянного очарования меня относит к "Путешествиям" Андрея Битова: в 60-70-е годы минувшего столетия писатель взял и описал свои поездки по южным республикам СССР. Им, также сугубо городским

жителем, тамошний колорит бытия представал в ярких, как в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

жизнелюбным, а в картинах дальтоника Врубеля, цветах. Иногда совпадение впечатлений почти буквальное: Битов в Узбекистане пьёт зелёный чай в полном наслаждении, набирает его пачками, привозит в Москву, заваривает – и ничего особенного. У Ряховской – такая же история с вином. Узнаваема ситуация! Способность к очарованию другими людьми, иным бытом, нравами роднит её с Битовым. Но совсем иные времена на дворе. Тогда – жизненный лад казался не-

Владимир Бондаренко вручает диплом лауреата премии "За верность слову и Отечеству" публицисту и прозаику Марии Ряховской

Наконец-то, четвертого февраля 2015 года состоялось подлинное открытие Года литературы. В атриуме Государственного музея А.С. Пушкина вручили ежегодную общероссийскую литературную премию "За верность Слову и Отечеству" имени первого редактора "Литературной газеты" Антона Дельвига.

В отличие от фальшивого старта в МХТ имени Чехова, вроде бы поддержанного самим президентом, церемония вручения премии "За верность Слову и Отечеству" стала настоящим литературным праздником по многим причинам.

Во-первых, в ней приняли участие писатели самых раз-

Александр Проханов вручил премию "Золотой Дельвиг" Сергею Есину "за многолетнюю литературную деятельность и создание произведений, которые стали вехами в советской и русской литературной жизни". "Я счастлив, что мне поручено вручить тебе этот знак", – сказал он. "Эта газета объединяет писателей на уровне большой, настоящей литературы. Большое вам спасибо!", – ответил Есин.

Лауреатом "Золотого Дельвига" по поэзии стал старейший русский поэт Владимир Костров "за верность высоким этическим идеалам русской поэзии и мощное лирическое наполнение стиха состраданием и смыслом".

Ещё одну золотую медаль получил татарский поэт Ре-

За верность слову и Отечеству

ных направлений, национальностей и возрастов. Не было никакого перекоса. Среди награждённых, участников награждения и просто гостей церемонии были Евгений Рейн и Евгений Сидоров, Александр Проханов и Владимир Личутин, Ренат Харис из Татарстана и Муши Ласуриа из Абхазии, молодые Сергей Шаргунов и Иван Куприянов.

Эта премия, учреждённая "Литературной газетой", вручаемая уже в третий раз, становится ведущей литературной премией России. Главный редактор газеты, талантливый прозаик Юрий Поляков сумел придать и моральную значимость премии, и обеспечить её финансовую основу, которая увеличивается с каждым годом. Три золотых лауреата получили по миллиону рублей, шесть серебряных – по пятсот тысяч, и шесть бронзовых – по сто тысяч. Кроме этого две премии за удачный дебют молодых по двести пятьдесят тысяч и четыре диплома.

Уже по традиции ведут церемонию два актёра, выступающие в роли молодых Пушкина и Дельвига. Всё действие ведётся в стихотворной форме по сценарию, написанному Максимом Замшевым, поэтом и зав. отделом литературы в газете. Каждого лауреата представляет или известный писатель, или издатель, политик, общественный деятель.

К примеру, про прозу медаль "Золотого Дельвига" вручал Сергею Есину за его заслуги в литературе прошлого года золотой лауреат Александр Проханов, молодого поэта Ивана Куприянова представлял достаточно молодой прозаик Сергей Шаргунов, мне довелось вручать "Бронзового Дельвига" публицисту и прозаику Марии Ряховской, известному мастеру детектива Виктору Пронину вручал "Бронзового Дельвига" директор книжного магазина "Библио-глобус". Шло непрерывное живое действо, и даже какие-то паузы или мелкие несоответствия смотрелись как часть театрализованной церемонии. Было интересно, к примеру, как священнику Владимиру Нежданову за его книгу лирических стихов вручают "Бронзового Дельвига" убеждённый коммунист, сталинист, ветеран "Литературной газеты" Юрий Изюмов...

нат Харис "за твёрдую гражданскую позицию в поэзии, верность родному языку и глубокое проникновение в историю".

"Серебряного Дельвига" удостоились прозаики Вера Галактионова и Михаил Тарковский, поэты Дмитрий Кантов, Муши Ласуриа вместе с переводчиком Михаилом Синельниковым, и историки и публицисты Юрий Жуков и Арсений Замостьянов.

"Бронзового Дельвига" получили в свою коллекцию наград Виктор Пронин за сборник отнюдь не детективных рассказов, Андрей Воронцов за роман о Шолохове, Мария Ряховская за книгу публицистики "Россия в отражениях", поэт Валентин Резник, которого очень эмоционально представил Евгений Рейн, Влад Маленко за стихи для детей и священник Владимир Нежданов.

Дебютного Дельвига заслужили поэты Иван Куприянов и Анна Чалышева. В списке дипломантов "Золотого Дельвига" оказались прозаик Владимир Еремёнок, историк Наталья Зазулина, поэт Екатерина Ишимцева и молодое издательство "У Никитских ворот".

Пожелаем всем восемнадцати лауреатам в самых разных номинациях творческих успехов, новых книг, и понадеяемся, что этот год литературы даст нам ещё немало ярких писательских имён!

После вручения наград, как и положено, состоялся фуршет, когда можно было поздравить лауреатов с бокалом хорошего вина или виски. А заодно пообщаться с коллегами, ибо на этом праздновании были представлены почти все литературные издания, можно было увидеть лауреатов "Золотого Дельвига" прошлых лет, поговорить о современном литературном процессе не с чиновниками, которых было с избытком во МХТ, а с ведущими российскими писателями. Как всегда, писатели обменивались своими новыми книгами и номерами литературных журналов и газет. Этим награждением сама "Литературная газета" как бы начала отмечать своё 185-летие. С чем её и поздравляем!

Владимир БОНДАРЕНКО

Вы офицер, и этим много сказано, И это не про Вас: "лови момент!", Уже не развезать,

что было связано, когда торгаш в почёте, И не сорвать Георгиевских лент. Вы не стыдитесь званый и наград, И с головою поднятой идёте. Пусть нет державы,

коей присягали, По городу с названьем Сталинград. Вы не топтали цвета крови стяг, И знает враг,

и мелкий, и побольше, Что офицерам русским Для тех, нет преград,

Защитнику Отечества

Да и сейчас, когда торгаш в почёте, Вы не стыдитесь званый и наград, И с головою поднятой идёте. По городу с названьем Сталинград. И знает враг, и мелкий, и побольше, Что офицерам русским нет преград,

Что не простите Вы шляхетской Польше Её снобизм, а немцам – Бухенвальд. Поэтому Вас и боится враг, Кто русский дух хоть чуточку познал. Честь отдающий мне с рождения дорог, Как ненавистен тот, кто честь продал. Геннадий ВЕРЕЩАГИН

В последнее время я заподозрил, что читатель во мне иссяк. Открываю книгу, о которой много говорят, пишу, премиями наделен, начинаю читать – не могу. Не идё! И уж, было, уверовал, что всё, проехали, замылился взгляд. Вдруг попадаете под руку старый журнал с публикацией Олега Павлова. И текст, где описанное время падает на перестроечное, а место действия – Москва, – уносит меня в моё давнее сибирское детство с непременным уличным героем. Язык и ещё нечто "наше", всегда стыдливое, мучающееся, несмотря на разницу в возрасте и среде обитания, общее.

Или вот книжка покойного Славы Дёгтева, рассказ "Сладчайший": сколько игры, талантисты, сколько человечности и в героях, и в авторе. Поражаешься – в жизни он был похож на бандита или охранника, я его в камуфляжной форме и запомнил. Лоб низкий, плечи широкие. Как это в нём уживалось? Внутренняя тонкость, даже изощрённая и внешне костоломство. Располагаю рассказ на литературной страничке в интернете, думаю, ну, сейчас набегут, надоело ведь это всё – из политики, из чёрно-белого. Практически ноль реакции. По опыту ведения прямого эфира на радио я помню: в студии Валентин Распутин, мы с ним о человеке, о литературе. Ни звонка. А я уж знаю, как тут быть: вопрос о либералах, патриотах, пятой колонии и так далее – тотчас массовое содержание, обрыв голосов!

Книгу Марии Ряховской "Россия в отражениях" я брал с осторожностью: это вторая книга автора, а вторая – обычно слабее первой. Напомню, что первая – удостоена премии им. Горького. "Россия в отражениях" – книга документальных повестей. Выложить "документ" на страничку, когда с утра до вечера по ТВ – то "путешествия", то "информация", где "документ" представлен вочию?!

Название повести "Икона и лопата", как скоро выясняется, взято из сербской посылки, по которой, то и другое из одного дерева. Речь о Сербии. Кадры бомбёжки Боснии, Черногории (Югославии!) – до сих пор перед глазами, фильмы Кустурицы – ярчайшее явление кинематографии, тоже как на ладони. Кустурица и недавно прокатившаяся война с двадцатью восьмью странами НАТО, которые "в двадцать двадцать восемь раз больше Сербии и в пятьсот восемнадцать богаче", органично вплетены в повествование – это часть жизни современных сербов. Именно часть, как видимый айсберг, где основное в подводном царстве. Память, надличная историческая преемственность. Раскрывается мир, который не вместишь в кадр репортажа или даже художественного шедевра: мир, отразившийся в душе московской девушки, журналистки, писателя. Мир, в котором действительно ви-

Владимир КАРПОВ

нитического состояния, оказавшись в центре Европы среди очевидной бедности, где допотопный автомобиль советского производства может быть предметом гордости. Но – люди! С их общинностью, жизнью миром: "У нас традиция такая – моба. Друг другу помогаем. Если человеку надо собрать урожай, сделать ремонт, что-то построить – приходит люди и делают. Мы – сербство. Такого понятия нет ни у одного из народов. Разве только у евреев – еврейство", – рассказывает серб Драган. Нет, брат, есть: для Марии Ряховской, выросшей в Москве и рождённой ближе к концу 20 столетия, это в диво. А я, сибиряк, появившийся на белый свет пораньше, хорошо помню "помочи": так же собирались люди – родня, соседи, помогали. Так нам с мамой дом поставили: по 30-50 человек сходились в выходные, строили миром, дружно. Расплата – да и не расплата даже, а так, продолжение мирского куража – застолье, бражка вечером. Вода, сапогон – как ныне Сибирь в кино показыва- ют, где это зелье льётся рекой, – было дорогим удовольствием. Логуси с забитой пробкой, отбродило – лёгкое пиво, для пляски, песен. Без песен и плясок застолье не вошло! Для меня сербский мир – узнаваем. Для московской девушки знакомство с ним – всё более осязаемое и осознаваемое возвращение на свою духовную прародину, коей некогда была Русь и черты которой несёт в себе современная Сербия. Выявляется это в обыденной жизни: "Курица поразила меня не только тем, что была приготовлена для меня чужими людьми, которых я даже не знала. Она ошеломила меня вкусом, о котором я раньше могла читать только у Гоголя. Вкус забытых человеческих отношений, вкус забытой еды...". Русского, действительно, надо "поскрестить", а серба, выходит, и скрести не надо.

Повествование нотой постоянного очарования меня относит к "Путешествиям" Андрея Битова: в 60-70-е годы минувшего столетия писатель взял и описал свои поездки по южным республикам СССР. Им, также сугубо городским

Россия в отражении...

зыблем. Сейчас – лад в "путешествиях" Марии Ряховской сохраняется вопреки. Вопреки обвинению, распаду, вражде, вопреки мировому катку, который в разной степени приложения проходит и по Сербии, и по Крыму, и по казахской степи. Близкое опасное присутствие далёкой страны, бомбившей сербские города и селенья, в повествовании Марии Ряховской чувствуется каждым сербом каждое мгновение. "Мы – разорванный народ. Как инвалид, у которого отняты руки, потом ноги...", – говорит Шекма, босниец-мусульманин. Автор же утверждает: "сербы – народ монолит... никакие Евросоюзы и Америки... им не страшны".

Если в Сербии я не бывал, то читать повесть о Крыме – "Странники и старожилы раеподобного острова" – сплошь приежизне. Мир, описанный ею, для меня